

Обритый наголо смертный слуга смотрителя данных, назвал местом встречи темное хранилище во второстепенном храме-кузнице. Расположенная на окраинах радиальной застройки, заводских районов Вондрака ультима, кузница была ближе к линии фронта, чем архимагосу Кирано хотелось, но сообщение было недвусмысленным.

Как только оно было доставлено, Кирано зарегистрировал детонацию синоптических зарядов в мозгу слуги, навсегда выжигая память о сообщении из его сознания. По основным признакам слуга был человеком, с характерно выраженными восковыми чертами, искусственно выращенного существа. Лишенный всего, кроме основных сигнатур ДНК и конструкционных маркеров, он выглядел как человек, но проявлял нечеловеческую живучесть. У него не было имени, простое биосканирование выявило когнитивную архитектуру, разработанную для создания постоянной формы антероградной амнезии.

Ненужные предосторожности, подумал Кирано, но в этом была вся суть темного культа смотрителей данных.

Опустевшая храм-кузница была отличным выбором. Все старшие адепты покинули его задолго до военных действий, переместившись на Вондрак прайм, оставив лишь расходный персонал, чтобы присмотреть за заключительной фазой пересылки данных из хранилища.

Как только Кирано выдвинет свое прошение, он присоединится к своим братьям адептам, и сразу же после того как дела с Бинарным адептом будут разрешены, он возьмет быстрый транспорт до Толкхана, где совет кузницы основался вновь, после разрушения Грифона IV.

Пыльные, архивные башни слева и справа, наполняли пространство мерным гулом магнитных пластин и бинарного кода, выдавая процесс передачи огромных массивов информации. Настенные атомайзеры в форме шестерни и черепа поддерживали в воздухе едкий запах охлажденного ладана.

Сообщение смотрителя данных предписывало ему прийти одному, но Кирано был архимагосом Адептус Механикус, а священнику его сана сложно остаться одному.

Единственным оставшимся адептом в храме, был техножрец низшего ранга по имени Узуки. Он приветствовал Кирано в своем скромном святилище, как если бы сама Омниссия предстала перед ним.

Собрав шестерых лексмехаников, он сопровождал Кирано до хранилища данных как преданный кибер-мастифф, организовав некоего рода почетную гвардию.

Память лексмехаников Кирано с легкостью может очистить, а молчание Узуки можно будет купить пустыми обещаниями продвижения в культе механикус.

Если на то будет необходимость. Тем временем, назначенное время встречи прошло 3 минуты назад.

* Где он? * изрек на бинарике Кирано, нетерпеливо постукивая пальцами по матово-черной поверхности архивной башни. Гаптические имплантаты вывели на оптику глаза стопку панелей статуса. Даже быстрый взгляд на них, сообщил Кирано что в этих архивах ожидают отправки еще тысячи зеттабайт данных.

— Адепт Кирано? — сказал Узуки плотским голосом, одновременно выдавая свой страх и низкое положение.

* Да Узуки, что такое? * — ответил Кирано.

Техножрец в непонимании наклонил голову набок, и Кирано недовольно повел плечами, когда понял, что звуковой ввод Узуки не модифицирован для восприятия ритуальных уровней кодировки лингво-техникс. Несколько мгновений он перенастраивал имплантаты в трахее. Тринадцать лет и семь месяцев прошло с тех пор, как он контактировал с другими адептами на плотском языке.

— У тебя вопрос? — сказал он, голос звучал незнакомо из-за редкого использования.

— Ох, ну да, думаю что есть, архимагос, — сказал Узуки.

— Так спрашивай, — сказал Кирано, помогая Узуки решиться.

— Почему мы все еще здесь?

— У тебя где-то есть дела поважнее?

Узуки всем своим видом дал понять Кирано что они у него действительно есть. Он быстро закивал, а в голосе проступил страх.

— Ну, да — сказал Узуки. — Есть небольшое дело, эм... тиранидская угроза на подходе. Не должны ли мы спешно отступить в Вондрак прайм?

— Не раньше, чем завершится передача данных, — сказал Кирано.

— Конечно, архимагос, — сказал Узуки. — Передача займет, по крайней мере, следующие десять часов, но, видите ли, я гм, проявил инициативу, к слову сказать, и перенаправил некоторые автоматические протоколы из ноосферы и распределил их на подкорку лексмеханикам. Нам больше нет необходимости оставаться здесь.

Совершенно того не ожидая, Кирано был впечатлен, но раздражающий недостаток точности в словах Узуки, оскорблял его, так что он решил стереть ему память вместе с лексмеханиками. Применять такие радикальные меры по отношению к собрату из Культа Механикус, было

дурным тоном, но он должен быть уверен, что никто и никогда не узнает, что здесь произошло.

— Мы эвакуируемся, когда я решу, что мы закончили, адепт Узуки, — сказал Кирано. — Если этот проклятый адепт вообще изволит появиться.

— Он уже здесь, — сказал голос из темноты. — И я же говорил тебе приходить в одиночку.

— Ни один архимагос не путешествует в одиночестве, — сказал Кирано.

— В этом есть правда, — согласился призрачный голос. — Хорошо. Один разум, восемь разумов? Нет никакой разницы.

Фигура пряталась между двумя архивными колоннами, механизмы окуляров Кирано активно жужжали, в попытке сфокусироваться на ней.

— Адепт Немоникс? — сказал Кирано.

— Ты ожидал увидеть кого-то другого?

— Нет, но я обращался ко всем системам в этом храме, и не зарегистрировал посторонних, — сказал Кирано. — В действительности, твое присутствие не зарегистрировано вовсе, ни на одном из уровней. Как это возможно?

Фигура держалась в тени, но Кирано не покидало тревожное чувство, что даже если он выйдет на свет натриевых ламп, он все равно ничего не увидит.

— Жизнь призрака среди машин имеет свои преимущества, — сказал смотритель данных, как будто быть невидимым для разнообразных ауспиков, встроенных во все поверхности храма-кузни, было не так уж и значимо. — В особенности то из них, что позволяет перемещаться где угодно, не оставляя при этом никаких следов.

Кирано желал знать больше, но обуздал естественную тягу к знаниям. Он отбросил эти мысли. Более важные дела привели его в это место.

— Мне понадобились услуги твоего ордена, — сказал он.

— Я знаю, — сказал Немоникс.

— Что конкретно ты думаешь что знаешь?

— Больше чем ты бы хотел, архимагос, — сказал Немоникс. — Достаточно чтобы видеть каждое

твои достижения отнятое у тебя советом кузни, могу заверить тебя в этом. Но, забудем ли мы угрозы, разоблачения и контрразоблачения, хвастовство и проступки? Раскрытые темные секреты среди наших братьев культа механикус, никто не узнает, согласен?

Кирано кивнул.

— Отлично, — продолжил смотритель данных, выходя на свет. — Тогда продолжим.

Кирано вздрогнул, когда Немоникс мелькнул как негативный отпечаток на пикт-панели, как некое призрачное изображение, исчезающее за удар сердца, как будто он был дырой в пространстве в форме адепта.

— Как ты это делаешь? — потребовал Кирано.

— Если я не сказал тебе этого на Грайе, или на Триплекс Фалле, как ты думаешь, скажу ли я теперь?

Кирано обратился к своим ячейкам данных и помотал головой.

— Ты и я никогда не встречались, адепт Немоникс.

— Напротив, — сказал Немоникс, с мягким звуком, который Кирано распознал как смех. — Наши пути пересекались шесть раз до этого момента, архимагос.

— Ты ошибаешься.

— Нет, ты просто забыл, как забудешь и потом.

Теперь была очередь Кирано смеяться.

— Невозможно. Механикус никогда ничего не удаляют.

— Я удаляю, — сказал Немоникс, издав шепот на бинарном коде, его слова прозвучали как угроза и объяснение сразу. — Техножрец возле тебя, как его имя?

— Его зовут...

Слова Кирано повисли в воздухе, когда он осознал, что ничего не знает о личности техножреца. Аура ноосферы окружала человека, но содержала лишь простой машинный дух основной аугметики.

Никакой истории, ни имени, ни обозначений, ни единого следа не осталось от того человека каким он когда-то был. За мгновение, вся жизнь техножреца была удалена из всех уголков ноосферы.

Согласно представлениям Механикус, он перестал существовать.

Кирано усмирил свой гнев, когда начал подозревать что он проделывал это много раз до этого. Впервые в жизни, Кирано пожалел, что не сохранил хотя бы немного своей биологической личности.

— Теперь к делу, — сказал Немоникс, сцепляя руки за спиной, как будто полное удаление всех следов члена культа Механикус, было для него повседневной рутинной.

У Кирано было ужасное опасение, что так оно и было.

— Потеря Грифона-IV позволила дому Кадмус сорваться с поводка, — сказал Немоникс, аккуратно акцентируя там, где его начальство полагает и находится причина этой катастрофы. — Барон Райсы Роланд, эгоистично воспользовался твоим неустойчивым положением в совете кузни, чтобы отвергнуть покровительство Механикус в пользу Терры. Потеря такого важного мира-кузни, уже серьезно сказалось на твоём статусе внутри синода. А если еще позволить рыцарскому дому выскользнуть из рук, то это скорее всего приведет к твоему полному исключению из совета, возможно даже и к лишению всех званий и прав.

— Ничего особенного, — сказал Кирано, насилу скрывая удивление.

Судя по тону следующих слов Немоникса, он не справился с этим.

— Не удивляйся архимагос. Твои каналы для меня, такие же дырявые как крупное решето. С тем же успехом ты мог бы объявить свои замыслы через открытый вокс-канал.

Смотритель данных многозначительно поднял палец: — На твоём месте я бы дважды подумал, прежде чем использовать не задокументированные фрагменты СШК для нейрофаерволов. И я бы в особенности советовал против использования частных кодов интерполяции для заполнения в скобках.

— Не удивляйся архимагос. Твои каналы для меня, такие же дырявые как крупное решето. С тем же успехом ты мог бы объявить свои замыслы через открытый вокс-канал.

Смотритель данных многозначительно поднял палец: — На твоём месте я бы дважды подумал, прежде чем использовать не задокументированные фрагменты СШК для нейрофаерволов. И я бы в особенности советовал против использования частных кодов интерполяции для заполнения в скобках.

Немоникс отмахнулся от шокированного Кирано.

— Не важно, возвращаясь к делу, сам по себе разрыв дома Кадмус с Марсом неуместен. Кроме того, недопустимо, чтобы другие дома услышали об этом. Если дом Кадмус способен с легкостью сбросить Механикус, другие могут последовать их примеру. И когда это закончится? Этот несчастный, опустошенный дом как домино подтолкнет остальные рыцарские дома, все еще лояльные к Механикус к мысли, что они смогут выжить без верховенства Марса.

— Значит, ты понимаешь, что мне от тебя требуется? — сказал Кирано.

— Показать барону Роланду ошибочность его методов и привести дом Кадмус под марсианский контроль.

— Именно, — сказал Кирано.

— А если это окажется невозможным? Как далеко ты готов зайти, чтобы достичь этого?

Кирано выпрямился и сказал: — Если Роланд не признает Марс, ты должен будешь проследить, что дом Кадмус послужил для других домов хорошим примером того, как чертовски катастрофичны могут быть подобные решения.

Смотритель данных кивнул, затем он изрек строчку невероятно искусного кода, и на мгновение его призрачные очертания стали абсолютно четкими. Волна статики каскадом омыла зрительные имплантаты Кирано.

Он сморгнул ее, и осмотрелся в пустом хранилище данных.

Незнакомый техножрец и шесть лексмехаников, стояли с ним среди жужжащих архивных башен. Мерцающий экран статуса трещал от помех, сообщая Кирано что все архивы до единого, были пусты.

— Передача данных завершена, — сказал Кирано безмянному техножрецу, удивляясь почему он использует свой плотский голос вместо бинарного кода.

Он оглядел пустынный архив еще раз, они были одни. Ни следа присутствия смотрителя данных. Кирано потряс головой, раздраженный такой бесполезной тратой своего драгоценного времени.

Злой от столь грубого нарушения протокола, архимагос Кирано развернулся на месте и покинул пустое хранилище.

Вондрак

Первой из транслифтера Кадмус вышла высокая, стройная женщина с волевыми чертами лица и изящно убранными темно-рыжими волосами, которые украшала искусно сработанная золотая заколка, оправленная в серебро и текучий перламутр. Облаченная в длинное, зеленое платье с золотой мантией на одном плече, леди Корделия из дома Кадмус, ступила на окутанную клубами испарений платформу, и зашагала по направлению к официальной делегации мужчин, собравшейся на поднятой смотровой площадке.

— Они выглядят удивленно, — сказала она в суб-вокальную вокс-бусину, замаскированную под рубиновую повязку на шее.

— Это высший офицерский состав Вондрак прайм, — ответил Роланд в ее ухе. — Они скорее всего ожидают рыцарей.

— Надеюсь, я оправдаю их ожидания, — сказала Корделия, шагая прямо к смотровой платформе уверенной походкой заправского, гвардейского полковника.

— Ну конечно, — усмехнулся Роланд. — Хорошо, что у нас там?

Правый глаз Корделии был искусным зрительным имплантатом, транслировавшим все, что она видит, в системы рыцарской брони Роланда.

— Наш старый друг, архимагос Кирано, — сказала Корделия.

— Его присутствие вполне ожидаемо, потому что петиция, запрашивающая нашей помощи, пришла именно от него, — сказал Роланд. — Он будет стараться убедить нас, что мы все еще нуждаемся в

Корделия наклонила голову по направлению к красивому мужчине, с карамельного цвета кожей и с гривой собранных в хвост, лоснящихся, черных волос. Облаченный в ламеллярную броню и длинный пурпурный плащ. На открытом плече, он носил знак из двух перекрестных дуэльных лезвий, на лацканах же красовался знак, из двух окружностей в форме звезды и короне между ними.

— Харун Руканаа, — сказала Корделия. — Полковник Мубаризанской кавалерии. Послужной список загружается в данный момент. Выглядит впечатляюще. Множество успешных операций, я думаю, мы можем рассчитывать на него.

Низкорослый, компактный человек с желтоватой кожей и обритым скальпом, неуклюже стоял возле мубаризанского полковника. Он носил форму цвета осветленного хаки, на левой груди была двусторонняя инсигния, одна ее часть белого цвета, вторая бордовая. Под униформой, Корделия разглядела хорошо подогнанный спец-костюм.

— У нас нет информации о нем, но готова поспорить, это Актис Бардольф из дома Хоукштрауд.

— Выглядит как пилот рыцаря, скорее всего так и есть, — сказал Роланд. — Что насчет космического десантника?

Корделия окинула взглядом возвышающегося воина в матово-черной броне с жемчужно-белой отделкой, и светло-серым орлом на широком нагруднике.

— Мы не знаем его, — сказала она. — Но он из ордена Траурных Мечей. Судя по украшениям и иконографии, могу сказать, что он в звании капитана.

Леди Корделия подошла к смотровому помосту и коротко поклонилась собравшимся наверху мужчинам. Она не стала забираться на помост, дав им понять, что это они должны спуститься к ней.

Сопровождавшие ее солдаты построились перед Корделией как младшие офицеры, приветствующие лорд-генерала. Прежде чем кто-либо из мужчин заговорил, Корделия подняла вверх правую руку.

Барон Роланд вышел из затененной полости первого транслифтера. Платформа под собравшимися задрожала от грохочущих шагов десятиметрового гиганта. Малкольм маршировал рядом, Родерик и Антонис шагали шире, заняв позиции с флангов.

Отряд механизированных гигантов вышел на платформу, янтарные и нефритовые пластины их боевой брони играли в лучах яркого солнца. Вейзи и Гаррат вышли следом, вместе с младшими рыцарями под их командованием.

Затем, блистая лучшими нарядами и украшениями, появились женщины дома Кадмус, супруги рыцарей. Они никогда не носили оружия, но без их силы, рыцари не смогут существовать. Женщины несли предметы славы своего дома: свернутые флаги, почетные трофеи и свитки достижений, полученные их мужьями.

Кассия, как и прежде, стояла уткнувшись в свою записную книжку, Айкатерина крепко прижимала к груди своего новорожденного сына, в то время как Эйлина играла на оправленном в металл альте райсанскую боевую песню, усиленную через охотничий горн Родерика.

Фаланга Хранителей сборщика Текстона наводнила красными робами платформу за ними, гордо воздевая иконы культа Механикус. Тяжелые флаги Кадмус свисали с длинных флагштоков, закрепленных на усиленных сервиторах. Корделия заметила охватившее архимагоса раздражения при виде Имперской аквиллы на том месте, где раньше красовалась шестерня Механикус.

Рыцари шагали по платформе безупречным строем, шаг в шаг. Корделия отметила, что ее подозрение на счет желтокожего мужчины подтвердилось, его восхищение при виде марширующих рыцарей, выдавало в нем пилота одного из них.

Корделия улыбнулась, когда увидела легкую тревогу, охватившую собравшихся мужчин, очевидно испугавшихся, что наступающие рыцари пройдут прямо по ним.

В самый последний момент, рыцари громко остановились.

Роланд сделал шаг вперед, когда рыцари за ним подняли в салюте зубчатые лезвия. Охотничьи горны трижды проревели, объявляя готовность.

Наконец горны смолкли.

— Джентльмены, — сказала Корделия на безупречном готике. — Дом Кадмус прибыл на защиту Вондрака.

Когда рыцарь облачен в свою броню, он в согласии с миром и брат любому воину. Он судит человека по его свершениям и стремлению сражаться с честью. Вне брони, каждая супруга согласится с тем, что их мужья легко раздражимы и имеют скверный характер.

Быть запертым в сердце храма-кузницы с марсианским священством, когда-то считавшем себя нашими хозяевами, серьезно действовало на нервы каждому рыцарю.

Бинарное жужжание парящих серво-черепов и едкий дым из каминов молчаливых священников, только повышали напряжение. Антонис раздраженно ударил один из черепов, подлетевший слишком близко, тот отлетел в сторону, беспорядочно вращаясь и гневно треща на бинарике.

Архимагос Кирано взглянул на меня: — Подтверждение: вы изучили тактические выкладки относительно этой миссии?

Металлическая часть его лица подсвечивалась свечением гололитического стола, вокруг которого мы собрались. Его внешний вид был откровенно зловещим. Удивлюсь, если он понимает, как его видят простые люди, или если ему вообще есть до этого дело. Механикус отдельное племя, далекое от забот плоти, которую они уже не помнят.

Я обошел вокруг стола, изображающего соперничающие военные фронты, разбросанные по всей поверхности Вондрака. Изображение было слишком расфокусированным, чтобы что-то из него понять, так что я отпихнул с дороги техножреца оккупировавшего управление.

— Что вы делаете, барон Роланд, — сказал Кирано. — Вы не обучались в культе Механикус.

— Это правда, но я не идиот, и я просидел достаточно долго за этими проклятыми штуковинами, чтобы знать, как они работают. Да, мы читали выкладки, но, когда кто-то просит меня рискнуть жизнями моих рыцарей, я хочу, чтобы он сказал мне это в лицо.

Я наклонился вперед и отрегулировал несколько рычагов, циферблатов и датчиков устойчивости стола, игнорируя наполнившее помещение бинарное бормотание, наблюдающих техножрецов.

Изображение гололита прошло через несколько тактических слоев, пока не сфокусировалось на полуразрушенном городе.

— Расскажите мне о Викаре, — сказал я.

Кирано погрузил руки в спектральный город и гаптические имплантаты спровоцировали появление группы информационных меток по всему изображению.

— Викара пала перед атакой ксеносов три месяца назад, и теперь она в руинах, — сказал Кирано. — Минорис омнифагия уже сделал свою работу, до сих пор оставаясь нетронутым.

Слегка подергивающееся изображение демонстрирующее некогда имперский город, подтверждало это, но биологическое загрязнение ксено-организмами было более чем очевидным. Ядовитые отростки раскололи пласткритовые колонны и плиты, споровые трубы пробились через бедра, изрыгая в воздух коррозионные облака и кислотные струи, пятная каждую стену.

В лучшем случае через месяц, Викара перестанет существовать.

— Это центр распределения, — продолжил Кирано. — Транзитная станция для переправки снаряжения и военных материалов в соседние сектора, служащая напрямую против флота улья Левиафан.

— Был, — вставил Малкольм. — Это был, центр распределения.

— Викару еще можно отбить.

Малкольм потряс головой: — Не выйдет. Теперь это органический ад. Единственный способ вернуть его, это если вы отправитесь через варп шиворот-навыворот, и прибудете сюда годом раньше.

Я скрыл улыбку, когда Кирано пытался сохранить самообладание. Любопытно наблюдать, как эмоциональный техножрец изо всех сил пытается справиться с гневом. Возможно они даже более человечны чем мы привыкли их считать.

— Природа технического назначения Викары представляет поверхностный характер для предстоящей миссии, — сказал я. — Где храм-кузница?

Кирано с трудом оторвал взгляд от безнаказанного Малкольма и взмахнул рукой через город, выводя символ золотой шестерни над зданием, которое чудесным образом осталось незатронутое явным биоморфическим заражением.

— Ваша цель располагается здесь, в восточном районе. Храм-кузница представляет незначительную важность, во всем кроме одного. Спрятанное в храме хранилище данных, содержит последние остатки инграммов памяти, одного из Бинарных Апостолов.

При этих словах техножрецы разразились благоговейным бинарным стрекотом. Большинство осенило себя символом шестерни Механикус. Кирано ждал, как будто рассчитывал на ту же реакцию и от нас

Ничего не дождавшись, он сказал: — Объяснение: Бинарные Апостолы это первоначальные техно-святы, покинувшие старую землю ради красной планеты, они — основатели Механикус. Никто в действительности не знает, кем были эти мифические фигуры и как они творили свои чудеса. Некоторые говорят, что они обретаются спящими в пещерах под Горой Олимп, другие, что они сгинули в глубокой расщелине имени...

— Да нам глубоко начхать, кем они были, — выпалил Малкольм, как всегда самый откровенный и прямолинейный из моих рыцарей. Он не вправе говорить здесь такое, но Малкольм всегда пренебрегал ограничениями звания. Сейчас больше обычного.

Я не стал сдерживать его, потому что он скажет то, чего я сказать не смогу.

— Ты думаешь, мы не понимаем, что все это значит? — сказал Малкольм, обвинительно указывая на Кирано пальцем.

— Это именно то чем оно и является, сир Малкольм — спасательная миссия.

— Это чертова самоубийственная миссия, — пролаял Малкольм. — Ради какого-то пыльного хлама! А этот храм уже скорее всего превратился в пищеварительный омут. Это безумие Роланд, чистое, черт возьми, безумие. Механикус с удовольствием пустят Кадмус в расход, чем позволят отделиться от них.

Родерик согласно кивнул, в то время как Антонис и Уильям бесцельно изучали бегущие по гололиту параметры миссии. Гаррат и Вейзи жаждут боя, но они еще молоды и не сталкивались с тиранидским роем.

Если бы они знали каков он, я сомневаюсь, что они испытывали бы тот же энтузиазм.

— Это будет в высшей степени опасно, — соглашается Кирано. — Но с высокой степенью уверенности могу сказать, что храм все еще не тронут.

— Каким образом? — спросил я.

— Потому что ни единый человек или ксенос, не нарушили границ храма со времени падения города.

— Он защищен?

— Да, некоей формой доселе не известного нам энергетического барьера. Есть сведения, что Апостолы специализировались по созданию технологий щитов, таких как: ранние пустотные, ионные технологии ваших Рыцарей, поля Геллера, отражатели, заместители бранов и прочие. Долгое время ходили слухи, что его или ее дух все еще обитает в храмовом коллекторе как программный призрак. Я считаю, что некое неизменное свойство души Апостола поддерживает храм в безопасности.

— Этот апостол все еще жив? — спросил я, пытаюсь понять, как такое вообще возможно.

— Думаю, что да, хотя это и лежит за пределами нашего понимания. Никакой четкой связи для разумных предположений нет, но возможно, Апостол существует в виде особого бинарного кода, бесконечно циркулирующего внутри коллекторного устройства, пришедшего с самого Марса. Слишком ценный, чтобы позволить ему исчезнуть, но слишком испорченный, чтобы быть чем-то кроме безумия.

— И это то, ради чего вы просите нас пойти на риск?

— Да.

Я встал из-за контрольной панели стола и одернул униформу, возвращаясь к своим рыцарям.

— Итак, что мы имеем, вы хотите, чтобы мы отправились на Викару, отданный врагу город. Затем вы хотите, чтобы мы нашли храм-кузницу с обитающим там призраком безумного Апостола. Предполагая, что мы все же сможем его получить, нужно будет исхитриться вернуть его обратно в Вондрак прайм?

Кирано кивнул, или не уловив мой язвительный тон или же решив игнорировать его.

— Из всех сил в моем распоряжении, рыцари показали статистически наиболее высокий шанс на успех.

Я вскинул руку вверх прежде, чем Малкольм успел ответить на эту провокацию.

— Мы не в вашем распоряжении, архимагос, — сказал я, ткнув в грудь Кирано пальцем. — Я не для того привел Кадмус в Вондрак, чтобы в очередной раз, связать себя прихотью

марсианского священства.

Кирано встретил мой взгляд, оптический имплантат к человеческому глазу.

— Тогда почему вы здесь? — спросил он. — Призывы к оружию не типичны для Кадмус, к тому же Хоукшрауд уже объявили о своей готовности к битве.

— Хоукшрауд? — усмехнулся Малкольм. — Эти голодранцы? Они сбегут даже если вы скажете, что будете бороться со сном.

— Хоукшрауд уважаемый дом, Малкольм, — сказал я. — Их репутация и готовность к бою достойна похвалы.

Малкольм прикусил губу и кивнул, понимая, что переступил черту. В присутствии Механикус, рыцарские дома должны демонстрировать единство между собой.

Я вновь обратился к Кирано.

— Мы здесь чтобы доказать, что вопреки нашей политике снять шестерню, мы все еще высоко ценим Механикус. Ведь мы все служим Императору, вы согласны?

Мгновение спустя: — Конечно, барон Роланд. Так значит, вы пойдете?

— Да, — сказал я. — Дом Кадмус пойдет.

Уязвимости

Помещение, покоившееся сейчас в сердце храма-кузницы, больше походило на клетку, но ее обитатель добровольно заточил себя в ней от окружающего мира. Стены этой камеры покрывала кремовая краска и особое полимерное напыление, препятствующее вкспрослушке. Она была начисто лишена любых входящих и исходящих портов, ни одного соединения с храмовым коллектором или ноосферой не предполагалось.

Подобно ранним фотоаппаратам, нуждавшимся в изолированной от света комнате, хранители данных нуждались в изоляции от информации.

Именно эта ячейка была защищена хуже, чем требовалось Немониксу, но Вондрак едва ли самый высокоразвитый мир-кузница, к тому же, он взял на себя смелость и перемешал ближайшие системы, создав тем самым информационный туман, скрывающий его работу.

Он расположился на полу скрестив ноги, копаясь в персональных файлах дома Кадмус.

Изображение за изображением рыцари бежали перед его глазами, вместе с каждым аспектом из их жизней. Некоторые из них были банальны и легко доступны: служебные записи, дислокации, истории семей, все в свободном доступе для того, кто знает, как искать, но особые вещи вроде: психологических портретов, биологических образцов, генетических маркеров — элементы, о существовании которых не известно никому, кроме небольшой группы рыцарей, и уж тем более никому со стороны.

— Ты действительно думаешь, что что-то здесь найдешь? — сказал странно знакомый, и в то же время едва узнаваемый голос.

— Найду, — ответил он. — Кадмус ничем не отличается от остальных. Их уязвимости таятся в людях.

— Типичная марсианская точка зрения, — сказал голос.

— Твоя точка зрения ничем не отличается от этой, — ответил Немоникс, когда дрожащая голограмма, в робе адепта Механикус среднего ранга, вышла на обозрение. Немоникс взглянул на голограмму, проекцию, сотканную из тысяч микропередатчиков, вшитых в ткань его собственной робы.

— Ну да, без сомнений это так, ведь я это ты, как я могу думать иначе?

— Ты это не я, — напомнил Немоникс голограмме. — Ты симуляция меня бывшего.

Голографический Немоникс не согласился с этим различием: — Только потому что ты систематически лишаешь себя того что делало тебя мной, и превращаешь себя в то что ты есть сейчас, не значит, что я не могу иметь собственных мыслей.

Немоникс рассмеялся.

— Ты понимаешь, как глупо это звучит? Ты не больше чем копия того чем я когда-то был, к тому же, довольно скудная копия.

— И все же, ты держишь меня рядом, — сказала голограмма. — Почему?

— Потому что мне нравится смотреть изо дня в день, насколько далеко я продвинулся с тех пор как произвел инграмный перенос, — сказал Немоникс.

— Это не так, — сказала голограмма.

Устало вздохнув, Немоникс отвернулся обратно к изолированному инфопланшету.

— Ты разработан с зацикленной формой антероградной амнезии, и каждый раз, когда я запускаю тебя, у нас случается одинаковый диалог, — сказал он. — Мы пререкаемся, ты задаешь глубокие вопросы, наподобие — почему я создал тебя и держу возле себя. Я игнорирую это, и мы концентрируемся на текущем задании. Так может быть мы без лишних споров закончим и эту дискуссию подобным образом, и двинемся дальше?

Голограмма сложила руки, и Немоникс снова вздохнул.

— Вот, — сказал он, показывая ему инфопланшет.

— Ты мог бы просто модернизировать мою когнитивную архитектуру, чтобы я ориентировался в функционале ноосферы. — Тогда бы тебе не пришлось показывать мне все это.

— Ни за что, — сказал Немоникс. — Ты изолирован не без причины. Я не могу оставлять информационные следы за собой, а ты оставишь такой след, что даже орк заметит.

Как и много раз до этого, голограмма пожала плечами, и занялась инфопланшетом. Немоникс прокрутил всех рыцарей Кадмус, позволяя своему раннему воплощению, подробно исследовать каждого из них.

Последняя запись была о Антонисе из Кадмус.

— У этого есть потенциал, — сказал Немоникс. — Он уничтожил ступню титана класса "Владыка Войны", прежде чем тот успел раздавить кадианского полковника. Я думаю, он может стать нашим пропуском внутрь.

Голограмма потрясла головой: — Нет, этот слишком типичный, слишком холодный. В нем недостаточно человечности для эксплуатации.

— Тот, кто вступил в бой с "Владыкой Войны" в доспехе рыцаря, должен иметь эго планетарного масштаба, — сказал Немоникс.

— Не эго побудило его сражаться, а необходимость. Антонис знал, что без полковника Паска, сражение будет проиграно. У него просто не было выбора.

— Тогда что на счет Роланда? Обычно у лидера должно быть самое большое эго.

— Нет, если это Роланд тянет Кадмус вниз, то весь дом пойдет вместе с ним, а насколько я понял из записей, Механикус хотят вернуть этих рыцарей обратно.

— Тогда что ты предлагаешь?

— Вместо того чтобы развращать силу, мы можем надавить на слабость, — сказала голограмма.
— Вышедшие из строя компоненты машины заменяются, но люди в большинстве своем сентиментальные существа. Они поместят сломанную шестерню в механизм, не осознавая, что одна маленькая деталь, может привести к катастрофе.

— Кто же тогда эта сломанная шестеренка в доме Кадмус?

— Прочитай шесть страниц назад.

Немоникс сделал это и кивнул.

— Да, вот этот, — сказала голограмма, и Немоникс вспомнил этот голод, азарт охоты, сходящий на нет с каждой аугментацией служившей ему защитой от нежелательных следов своего присутствия.

Именно поэтому он и сохранил свое прежнее я: чтобы чувствовать вещи, которые он уже никогда не испытает.

— Последние десять лет он гнался за успехами Роланда на Охоте, — продолжила голограмма.
— Он жаждет власти, но Роланд ее так просто не отдаст. Он слишком долго ждал, дай ему то что он хочет, и он собственноручно намалюет шестерню на броню каждого рыцаря.

Немоникс изучил психологический портрет сира Малкольма, и кивнул в согласии.

— Как мы доберемся до него?

— Через уязвимость любого мужчины из плоти и крови, — сказала голограмма с улыбкой, — его жену.

Немоникс пролистал вниз.

— Ее имя Кассия, — сказал он.

Накануне кровопролития, Кадмус пировал.

Независимо от мира, или от поставок припасов, рыцари и их супруги, собираются чтобы попить в компании друг друга, тем количеством еды и питья что удастся раздобыть.

Это старая традиция, берущая начало задолго до падения Высших лордов, оживленная впоследствии Корделией после восхождения Роланд на командный пост дома Кадмус.

В Цитадели Големов такие банкеты проходили в расположенном в монолитном крыле горы-крепости Суинфорд Холле, который был воздвигнут далекими предками Роланда. Сам зал празднования представлял собой фантастического размера ротонду из вытянутого металла, украшенную монолитными скульптурами и бюстами почитаемых героев дома. Купол, отделанный расписным стеклом, выступал над бесконечными лесами плато, открывая удивительный вид. В Холле не разрешены сидения, для того чтобы ни мужчина, ни женщина не смогли получить расположение мастера дома, за счет места за столом. Помещения, выделенные управляющим лорда Оудена, Корделия сочла подходящими, но все же не чета Суинфорд Холлу. Воины пили местное ферментированное варево и громко беседовали, в то время как сервиторы назначенные из лагеря Хранителей, расположившегося за городскими стенами, без усталости подносили жаренное мясо и тушеные корнеплоды местной овощной культуры. Каждый рыцарь, исключая Антониса не принимавшего активного участия в трапезе, пойдут завтра с больными животами и похмельем, это тоже было традицией.

Завтра большинство этих мужчин отправится на возможно последний их бой. Цель пира была проста: человека, сидящего рядом с тобой, возможно завтра не станет, так что насладись его компанией пока можешь.

Роланд рассказывал байки с Родериком и Уильямом, судя по движениям рук мужа, он заново разыгрывал недавнюю Охоту. Вот это взмах «Жнеца», это выстрел из боевой пушки, а это тяжеловесный удар ногой.

Сир Малкольм входил в круг Роланда, но сам абсолютно этого не желал. Корделия сделала себе заметку, напомнить Роланду, быть более сдержанным в своих победах.

Она прошла между собравшимися рыцарями и их женами, с натренированной непринужденностью правящего матриарха. Временами останавливаясь чтобы поздравить рыцаря с его успехом на Охоте, или оценить выбор платья или украшений их жен.

Рыцари обменивались любезностями, а их жены обсуждали между собой, им одним понятные темы. Ни один из рыцарей не вникал в подтекст слов жен, но так было всегда. Когда у мужчин была их война, женщины занимались не менее важными делами.

Удостоверившись что все идет как надо, она прошла сквозь толпу к Эйлине, Айкатерине и Кассии, удобно устроившихся на обитых подушками скамьях, в самом центре зала.

Кассия выглянула из-за книги и улыбнулась. Эйлина делала пометки на нотном листе своей композиции, а Айкатерина бережно качала на руках свое дитя.

— Он заснул? — спросила Корделия присаживаясь рядом.

Айкатерина кивнула, и Корделия заметила у нее под глазами темные круги от недосыпа.

— Хвала Императору, — сказала Кассия, не отрываясь от книги. — Почти невозможно писать,

когда он все время кричит.

— Иногда он довольно музыкален, — усмехнулась Эйлина. — Я могла бы использовать его голос для крещендо.

— Не понимаю, почему ты так возишься с этими дневниками, — сказала Эйлина. — Вряд ли ты дашь их кому-нибудь прочесть.

— Они не были бы личными дневниками, если бы кто-то еще их читал.

— Какой тогда от них толк, если никто, кроме тебя не может их прочесть?

Кассия пожала плечами: — Это помогает, — сказала она наконец.

— Помогает в чем? — спросила Эйлина.

Сперва она подумала, что Кассия не собирается отвечать, но молодая девушка захлопнула книгу и закрыла ее на защелку.

Затем она взглянула Эйлине в глаза и сказала: — Я пишу их, потому что, когда Малкольм погибнет в сражении, я хочу иметь возможность вспомнить каждый момент, проведенный с ним.

Корделии было печально слышать "когда" вместо "если", это означало что все женщины испытывали страх, отправляя мужей или сыновей на войну в эти темные времена.

— Какой тогда от них толк, если никто, кроме тебя не может их прочесть?

Кассия пожала плечами: — Это помогает, — сказала она наконец.

— Помогает в чем? — спросила Эйлина.

Сперва она подумала, что Кассия не собирается отвечать, но молодая девушка захлопнула книгу и закрыла ее на защелку.

Затем она взглянула Эйлине в глаза и сказала: — Я пишу их, потому что, когда Малкольм погибнет в сражении, я хочу иметь возможность вспомнить каждый момент, проведенный с ним.

Корделии было печально слышать "когда" вместо "если", это означало что все женщины испытывали страх, отправляя мужей или сыновей на войну в эти темные времена.

— Ты изучаешь карты и планы миссий рыцарей, чтобы знать на что идет Родерик, это твой способ справляться с переживаниями, — сказала Кассия. — А этот, мой.

— Тогда продолжай, и сохрани каждый момент на ее страницах, — сказала Корделия. — И не позволяй переубедить себя.

Она заметила, как взгляд Кассии скользнул через ее плечо, и, повернувшись, увидела шагающего к ним Малкольма, на лице которого угадывалось разочарование

Кассия поднялась, как только сир Малкольм подошел и уважительно поклонился остальным женщинам.

— Малкольм? — вымолвила Кассия. — Что-то не так?

— Мы уходим, — ответил Малкольм.

— Так скоро? — сказала Корделия. — Пир едва начался.

— Сейчас же, — рявкнул Малкольм.

Корделия встала со скамейки и посмотрела Малкольму в лицо: — Что бы не расстроило вас, сир Малкольм, это не оправдание вашего тона.

Корделия видела, как природная грубость борется с уважением к супруге его лорда. Он был привлекательным мужчиной, в свойственной ему угловатой звериной манере. Он обладал жесткими, как осколки кремния глазами, и коротко подстриженными черными с проседью волосами.

— Конечно, — сказал он. — Простите меня леди Корделия, ваш муж только что мне сообщил, что я не иду с остальными завтра. Вместо этого, я остаюсь в Вондрак прайм, с сиром Гарратом и еще несколькими рыцарями.

— Но почему?

— Барон Роланд посчитал, что с участием рыцарей Хоукшрауд, необязательно выходить полным отрядом воинов. Он подумал, что благоразумнее всего, будет отрядить некоторых из наших рыцарей, для выполнения боевого приказа полковника Руканаа: "защита города и тех, кто особенно дорог нам".

Корделия слышала горечь в голосе Малкольма, сожалея, что Роланд не обсудил с ней это решение прежде, чем отвесить Малкольму пощечину.

— Мой муж оказал вам великую честь, сир Малкольм, — сказала она, найдя способ обернуть ошибку Роланда во благо. — Он доверил вам сберечь наши мечты.

— О чем вы говорите?

Корделия взглянула на женщин. Задержавшись на ребенке Айкатерины, мемуарах Кассии и свежем музыкальном произведении Эйлины.

— Я знаю насколько опасна эта миссия, — сказала Корделия. — Я знаю, что некоторые из рыцарей могут не вернуться обратно. Возможно ни один из них не вернется. Возможно я стану вдовой. Или может сын Айкатерины будет взрослеть без наставлений отца. Мой муж понимает, что может не вернуться, и единственный способ как он может облегчить эту ношу, это оставить своего самого лучшего рыцаря, присмотреть за нами.

— Вондрак прайм хорошо защищен, — сказал Малкольм, но Корделия увидела неуверенность в его взгляде. — Здесь тысячи солдат, кто...

— Вы предпочли бы доверить нашу защиту им чем одному из своих? Защиту Кассии? — перебила его Корделия. — Это женщины делают Кадмус сильным, это они дают жизнь и возвращают наследников, они соединяют благородные семьи вместе. В то время как мужчины семьи уходят на войну, только нашими усилиями существует этот дом. Когда вы возвращаетесь к нам сломанные от долгой связи с броней, кто, по-вашему, помогает вам восстановиться?

Сир Малкольм понял, что побежден, и принял поражение с честью, чего он никогда не делал на поле битвы.

— Вы безусловно правы, моя леди, — сказал он, его обычное суровое лицо расколола улыбка. — Вы бы стали достойным рыцарем, родись вы мужчиной, — сказал он, прежде чем развернуться и возвратиться к своим братьям.

— Он сказал это как комплимент, — сказала Эйлина, как только Малкольм отошел достаточно далеко. — Слышал ли он хоть что-нибудь из того что вы сказали?

— Он мужчина из дома Кадмус, — сказала Корделия, садясь обратно. — Когда они прислушивались к словам женщин, мудрее их самих?

Женщины улыбнулись заученной мантре. Ребенок на плече Айкатерины зашевелился и начал кричать, громко и пронзительно, как охотничьи горны рыцарей. Айкатерина открыла верх своего платья и попробовала покормить сына, но он отказался принимать материнскую грудь.

— Маленький принц все еще боится соска? — сказала Корделия.

— Майя Агнодис из сестринской общины выругала меня, и сказала, что я плохая мать, —

ответила Айкатерина, едва не плача. — Она дала мне тексты, в них сказано, что он должен больше есть и дольше спать.

— Это сказано женщиной, у которой нет детей, — сказала Корделия, качая головой и присаживаясь рядом с Айкатериной. — Я думаю она забыла, что дети не читают ее текстов. Позволь мне поддержать его.

Айкатерина бережно передала Корделии своего сына, и та мягко позвала его. Она поняла, что было не так, как только взглянула в его глаза.

— У него легкое расстройство от перемещений, — сказала она. — Через день или два это пройдет.

— Вы уверены?

Корделия кивнула, и поводила пальцем перед мальчиком, от лба к носу. Его глаза следовали за пальцем, моргая с некоторой задержкой.

— Путешествие через имматериум непросто даже для нас, какого тогда это должно быть для ребенка? Брекстон ужасно страдал от этого.

Ребенок начал успокаиваться, и Айкатерина благодарно улыбнулась ей.

— Звучит обнадеживающе, останьтесь с нами, — сказала Айкатерина. — Он не перестанет кричать что бы я не сделала.

— Он мужчина из Кадмус, — повторила Корделия. — Когда они прислушивались к словам женщин, мудрее их самих?

Они засмеялись, но все видели долю правды в шутке.

Их мужья были великими людьми, воинами чести, храбрости и благородства, но они оставались незавершенными. Они обманывали себя, считая, что лишь их доспехи делают их полноценными, но это ложь. От многократных повторений, ложь приобрела форму правды.

Необходимая, но все ложь.

Роланд был пьян. Не настолько чтобы не понимать слов Корделии, но достаточно, чтобы заставить потрудиться удержать его внимание на важном разговоре. Торжество подошло к концу, когда из-за пределов дворца, раздалось эхо ноктюрна молельных колоколов Мубаризанских барачков.

Как всегда, Антонис был первым из рыцарей кто покинул трапезу. После смерти Персис, он отдалился от своих братьев. До сих пор, Корделия отклоняла требования Роланда найти ему новую жену, как будто это тут же развеет его скорбь.

Остальные вскоре последовали за ним, в сопровождении своих жен, взглядом обещавших Корделии, что их рыцари будут с достоинством стоять завтра на смотровом плацу, когда прозвучит сигнал к сборам.

Как мастер дома Кадмус, Роланд был обязан покинуть трапезу в последнюю очередь, поэтому Корделия приказала сервиторам разводить его выпивку водой настолько, что в его заключительных пяти кувшинах, едва ли осталась хотя бы тысячная доля алкоголя.

Корделия полулежала в железной кровати, в то время как Роланд, шатаясь по комнате, с грацией раненого грокса, снимал свои ботинки. В итоге у него получилось, и он завалился на кровать, с колоссальным шумом выпустил газы, и посмотрел на нее так как будто ждал аплодисментов. После ужина пивом, с овощами и мясом, аромат был почище вони трупов после Охоты.

— Прости, Кор, — сказал он. — Местная провизия, посланная Оуденом, прошла прямо через меня.

— Тебя и простыни, — сказала Корделия.

— Прости, — повторил он, приближаясь к ней. — Может я все исправлю?

— Позже, — сказала она, сцепляя свои пальцы с его.

Роланд моргнул и присел рядом с ней. Он узнал ее тон, и потер глаза ладонями, дотянулся до подставки у кровати, и набрал два стакана воды из кувшина.

— О чем ты думаешь Кор? — спросил он, передавая ей один.

— Ты слышал когда-нибудь историю, о мезо-скорпионе попросившего болотного зайца перевезти его через реку?

— Нет, мой отец был не из тех, кто рассказывает сказки на ночь, — сказал Роланд

— Это старая история, но если вкратце, то скорпион ужалил зайца несмотря на обещание, и они утонули, переплывая через реку. Прежде чем они погибли, заяц спросил скорпиона, почему тот ужалил его и убил их обоих. На что скорпион развел клешнями и сказал, что это его натура.

— Есть какая-нибудь причина, почему ты рассказала мне ее?

— А ты как думаешь?

— Тогда не могла бы ты сразу перейти к ней? — спросил Роланд, выпивая стакан воды и наливая следующий. — Похмелье и трон Механикус с трудом работают вместе.

— Конечно, я перейду, — сказала Корделия, отпивая немного воды. — Я обнаружила, что, когда мне нужно донести что-то до мужчины, следует начинать с чего-то попроще.

— Ха-ха, черт возьми. Говори уже.

— Прибытие в Вондрак было ошибкой, — сказала Корделия. — Я думаю, Механикус хотят разрушить дом Кадмус.

— Разрушить? Что это должно означать?

— Мне определенно следовало начать с более простой истории, — вздохнула Корделия. — Я хочу сказать, что не важно, как бы нелогично это ни было для Механикус, отправлять твоих рыцарей на смерть, ты должен понять, что не в их природе отпускать то что некогда принадлежало им. Как они говорят? Механикус никогда ничего не удаляют? Прямо сейчас, я гарантирую, что Марс помышляет вернуть дом Кадмус обратно, и мастера кузницы предпочтут видеть нашу смерть, чем видеть, как мы нагло нарушаем их правила.

— Ох, ты видишь врагов там, где их нет женщина, — сказал Роланд, укладываясь в кровати. — Они хотят вернуть этот коллектор с духом апостола внутри. Как они его получают, если мы все погибнем?

— Ты так уверен, что в Викаре есть что искать, — сказала Корделия. — Что этот храм и апостол вообще существуют.

Роланд задумался над этим.

— Ты думаешь, Кирано лжет?

— Это вполне возможно.

Роланд обдумал ее слова, затем закрыл глаза и послал ментальную команду усиленной системе очистки крови, выпустить очиститель в кровоток. Корделия увидела туман, улетающего через его поры алкоголя, вместе с вернувшейся ясностью в глазах.

— Из меня выльется чертов водопад следующим утром, — пробурчал Роланд. — Но, если ты права Кирано приговорил Хоукшрауд на ту же участь.

— Я могу быть неправа, — сказала Корделия, приблизилась к нему и посмотрела в лицо. — Но помни, что мастер дома должен уподобиться лисе, чтобы избежать капканов, и льву, чтобы отогнать волков.

Роланд понимающе кивнул, сделал небольшой глоток и вытер подбородок тыльной стороной ладони.

— Нет, ты почти всегда оказываешься права в таких делах, но, ты кое-что забыла.

— Что же?

— Я хочу пойти на это задание, — сказал Роланд. — Я хочу отправиться туда и поубивать этих ублюдочных ксеносов. Ты же знаешь, как много воинов погибло на Грифоне-IV, и я пролью океан ксеносской крови за каждое имя, высеченное в мраморе Запредельного хранилища.

Корделия села и отставила стакан.

— Месть — это недостойный повод идти на войну, — предостерегла она, зная, что ее слова попадут на благодатную почву. — И месть лишь тогда имеет смысл, когда жертва осознает, почему она умирает. Тиранидский рой безразличен к тем, кто бросает им вызов. Ты не сможешь запугать их Роланд.

— О, они будут бояться меня, — сказал он. — Под конец, они будут знать, что такое дом Кадмус, можешь мне поверить.

Понимая, что его намерения теперь тверже камня, Корделия сменила тактику и обвила руками его грудь, поглаживая рельефные, упругие мышцы груди.

— Тогда, если ты настроен идти, тебе следует убедиться, что ты во главе этой миссии. Ты должен быть Магна Прецептором.

— Есть причины, почему я могу им не быть?

— Другой рыцарский дом уже участвует в войне в Вондраке дольше, чем мы, — сказала Корделия. — Согласно строгим протоколам, право лидерства отошло к Актису Бардольфу из дома Хоукшрауд.

— Проклятье, — раздраженно прошипел Роланд.

— Но я знаю, как ты можешь заставить его передать роль Магна Прецептора тебе.

— Как?

Корделия улыбнулась.

— Очень просто, — сказала она. — Попроси его.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/666201>